

Вера Смирнова

А. БАРТО

*Впервые опубликовано в: Книга детям. 1930. Вып. 2–3.
С. 20–22¹.*

Я беру просто формальное утверждение:

Барто — современный, советский детский писатель. И раскрываю в нем все смысловые скобки.

Я спрашиваю:

Что такое Барто как писательская личность?

Современный ли она писатель?

Советский ли она писатель?

Детский ли она писатель?

И наконец:

Насколько она — писатель, т. е. какова ее писательская квалификация?

Барто — писатель послереволюционный, выросший в условиях нашей советской действительности. Она — интеллигентка. Опыт ее беден, социальный слух еще мало развит, кругозор — семейный. Даже ее лучшая книжка «Братишки» не выходит за пределы «семейственности». Знания ее поверхностны. Она умеет ставить себе литературные задачи, но разрешает их слишком поспешно, недорабатывает материала. Начав с подражания всем от Некрасова до Маяковского, она в последние годы пытается найти себя. Самое ценное в ее багаже — литературная культурность, искренность, жизнерадостность и юмор. Юмор выручает ее там, где у нее не хватает воображения, выдумки, спасает ее от сентиментальности. По характеру того, что уже сделано, Барто — лирик-юморист, по возможностям она — сатирик, и, мне кажется, это — ее настоящий путь.

Тематически книги Барто делятся так: на 25 книг всей ее продукции: 7 книг на социальные темы («Пионеры», «Гудки», «Китайчонок Ван-Ли», «Братишки», «Первое мая», «Про войну», «Дом и домишко»); 4 книги — о городе («Красные шары», «Диковинки», «Тимкин день», «Кому чего»); 4 книги — о деревне («Ночь», «Шуркин гриб», «Тимкины дела», «Горки»); 3 книги — про птиц и

животных («Жара-жарища», «Песенки», «Солнышко»); 4 книги — нравоучительно-бытовых («Девочка чумазая», «Девочка-ревушка», «Как лучше?», «Лентяй Иваныч»); 1 — опыт профессиональных песен («Мы — моряки»); 1 — считалочка.

Что касается книжек «про птиц и животных», то, кроме некоторого формального мастерства, ничего нового Барто в них не дает. У Барто:

Солнце село. Нет жары.
Вышла жаба из норы.
Кожа пупырястая.
Голова глазастая.
Жабе на ужин
Червячок нужен.

Еще из своего детства я помню:

Видно на ужин
Жук ему нужен
С усами...

Несколько книжек про деревню и про город — ряд картинок, совершенно статичных, аполитичных, бессодержательных и совсем не новых.

Можно было бы в большой литературе произвести отбор стихов на эти темы — уличные сценки, деревенские картинки, — книжка получилась бы сильнее и современнее.

Все эти «горки», «петушки», «трамваи», «аэропланы» — все это уже сказано кем-то, когда-то и сказано лучше.

Три книжки в прозе («Диковинки», «Тимкин день» и «Тимкины дела») интересны по замыслу, последняя — с хорошей выдумкой, но и они недоработаны.

От себя, от нашего времени, от нового отношения к миру Барто тут ничего не прибавляет.

К тому же у нее мало изобретательности в показе вещей и событий, нет четкого упора, нет запоминающихся художественных деталей.

Ее бытовые книжки интересны с формальной стороны — композиционно и фонетически, но детей у нее там мало, детских характеров почти нет, острых вопросов быта она не затрагивает. Ведь «девочка-ревушка» — не проблема современного детства.

Конечно, наиболее интересными для нас сейчас представляются ее 7 книжек на социальные темы. Только по ним предстоит нам решить — современный ли, советский ли она писатель?

Но прежде я хочу установить: кто такой, с моей точки зрения, современный писатель.

Это — писатель, работающий на современном материале; это — выразитель идей и умонастроений того или иного общественного класса в данное время, это — писатель, владеющий современной литературной техникой.

Барто безусловно владеет современной стихотворной техникой. Если она и не изобретатель в этой области, то во всяком случае она умело пользуется достижениями лучших наших поэтов. Барто в этом смысле — очень грамотный, культурный поэт. Блок, Маяковский, Чуковский — ее технические учителя. Высокой техникой объясняется воздействие на ребят ее, даже слабых по содержанию, стихов. Она много умеет, она все время технически растет.

Рассмотрим теперь смысловой и идеологический материал ее стихов.

Темы: пионеры, празднование первого мая, китайские события, про войну, стройку, тема Интернационала в «Братишках».

Темы все очень большие. Казалось бы — у Барто хороший социальный слух, раз она сумела уловить их в шуме современного строительства.

Но как представитель интеллигенции Барто не имеет природного классового слуха, она лишь вырабатывает его. Она не знает материала по данным темам так, чтобы сказать что-то новое, свое.

В своих первых социальных книжках Барто еще совсем не искусна. Очень скучно, очень длинно, наивно до шаржа, она добросовестно рассказывает заказанную тему.

Ее «Пионеры» звучат сейчас пародией. Вот как представляется ей манифестация:

Люди шагают в ногу.
Красных флагов много.
Музыка играет звонко.
А на углу милиционер стоит,
И у него строгий вид.

Аккуратненький папаша-обыватель (гораздо более — мелкий служащий, чем рабочий-слесарь с завода), благосклонно попыхивая папиросой, разрешает сыну записаться в пионеры — «в дети рабочих», и обещает, как обещают пойти в Зоосад:

И вместе с тобой мы в свободный денек
к Ильичу пойдем, к мавзолею.

Позже Барто ликвидирует свою политическую безграмотность, становится искусней в стихотворном деле, — и вот мы имеем «Братишек», «Про войну» и «Дом и домишко».

Что Барто знает о войне сама? Барто берет такую большую тему, как война, очень схематически разрешает, слишком уж как-то упрощенно. Отсюда получаются неясности, как всегда, когда писатель говорит о том, что он нетвердо, неясно знает.

Тему «про войну» Барто не осилила.

Я думаю, что детей нельзя кормить схемами.

Ребенку надо давать живой конкретный материал, из которого он сам мог бы сделать выводы.

«Дом и домишко». Тема тоже большая: старое шатается, можем ему развалиться, построим новое. Но что тут от живой настоящей стройки?

У Барто вместо этого так много пустых ненаполненных строчек. Где у нее там люди? Дом строится как-то механически, — строителей его, фактуры его, процесса стройки мы не чувствуем. Бабушка и дедушка, которых тоже можно было дать живыми фигурами, смешными или жалкими, цепляющимися за ветхий свой «домишко», у Барто — без плоти и крови, какие-то символы.

И уже совсем неизвестно, с кем разговаривает «некто, дающий тысячи».

Дом из камня высечен,
Уступы — этажи.
— Вот берите тысячи —
Я хочу тут жить.
— Ступай себе, дружище...(!),
Куда глядят глаза,
Не купишь дом за тыщи —
Его купить нельзя.
Для нас, для наших братьев,
Для тех, кто силу тратит...(!),
Построен этот дом.

Если разговор со «строителями», то как можно вкладывать им в уста «дружище»? И определение рабочих — «те, что силу тратят» — по меньшей мере сомнительно.

Опять — нужная, наша тема, неплохие стихи, но никакой глубины мысли, — схематичность, абстракция. И совсем неубедительный, невытекающий конец:

—И бабушку и дедушку
Мы с собой возьмем.

Наконец «Братишки». Это — книжка хорошая.

Идея Интернационала в аспекте семейном оказалась по-настоящему близкой Барто, пережита ею, пропущена через себя. Советская мать в данном случае определила писательницу.

Мне думается, что все ее 24 книги — только этюды, опыты, удавшиеся и неудачные, и только «Братишки» имеют подлинную общественную и литературную ценность.

Но, справляясь или не справляясь, Барто имеет все же дело с современным материалом. Она пробует поднять в детской литературе такие большие темы, которые очень трудно поднять и большим писателям. В разработке этого материала она добросовестно пытается применять то орудие, которое ей дает наша общественная мысль, и, если она им еще плохо владеет — не исключено, что научится владеть лучше.

А всякий писатель, творчество которого является полезным ингредиентом в составе сил,двигающих наше строительство, имеет право называться советским писателем. Барто отдает свои способности, свое умение в советскую детскую литературу. «Братишки» — это уже документ о направленности, это — билет на право называться советским детским писателем. Если Барто ошибается, если она мало знает, ей надо помочь, ею надо руководить. Всякий работник, хоть немного умеющий и искренно желающий участвовать в строительстве, должен быть мобилизован, особенно в деле воспитания смены.

Остается разобрать — детский ли писатель Барто?

Ее стишки для младших дошкольников являются хорошим ритмическим и звуковым пособием в детских садах, но словарь ее невелик и неоригинален, в больших же своих книгах она теряет установку на возраст. Она мало черпает из своего живого материала, детских характеров у нее почти нет, она не знает типов современного ребенка. Крестьянские дети в «Шуркином грибе» взяты у Некрасова, «девочка ревушка», «девочка чумазая» не новы для нашего времени и не характерны ни для пролетарского, ни для крестьянского ребенка.

Только в книжке «Как лучше?» Барто касается идеи коллективизма в детском быту, но, к сожалению, эта книжка сделана слабо, без художественной выдумки, небрежно.

Педагогические задачи Барто ставит себе редко.

В наше время легко стать писателем, особенно детским, но очень трудно им быть.

Надо учиться, учиться и учиться.

Примечания

¹ Доклад в детской секции МАПП 23 апреля 1930 г.